Автор: Administrator
26.01.2010 18:56 -

Кондуктор не спешит.

Спешит контролер

"Тачка во плоти". Комедия Петра Гладилина.

Режиссер Евгений Каменькович. Русско-французский театральный центр "Сафо" при участии БИ-СИ-ДИ Банка, концерна "Дон"

Маргарита Хемлин

Надо же, и в такие смутные времена театр никак не хочет выходить на площадь. На простор. Под бескрайнее небо. Лучшие спектакли обживают то лестницу, то буфет, то коридор. Сжимают и без того крохотное пространство малых сцен до каморки, ящичка, до черепной коробки очередного героя-безумца, втягивая туда наблюдателей-соучастников. И кажущаяся неприспособленность избранного пятачка для жизни и театральной игры, словно в благодарность за оказанное доверие, оборачивается дополнительной (как представляется вначале) или главной (как может выясниться под занавес) сюжетной пружиной.

Спектакль "Тачка во плоти" начинается в 21-00, после закрытия автосалона компании "Нью-Йорк Моторс" на Большой Грузинской.

За двенадцать рабочих часов в воздухе торгового зала успевает скопиться всяколе. Призраки больших американских денег плывут под потолком. Мраморный пол хранит следы лучшей немецкой обуви.
Телефонные диски крутили руки людей, умеющих зарабатывать и тратить. Или только тратить. Стерильные папки с договорами о купле-продаже втиснуты в стерильные блоки полок. Автомобили блестят и ничем не пахнут. Пусто и тихо. Елена Коренева и Евдокия Германова могут выходить.

Мечта детства: магазин игрушек после закрытия. Тамошние обитатели, днем притворяющиеся товаром, после закрытия обязаны ожить. Безответственное стремление проникнуть в жизнь после смерти, т.е. закрытия (мои извинения господину Моуди), приводит к результатам странным. В конце концов, после закрытия все может остаться на своих местах и без изменений. Драматург уверен? не может. И две девочки - Вероника (Елена Коренева) и Маша (Евдокия Германова) включаются в игру с живыми механизмами так легко и естественно, будто знаменитое свободолюбивое произведение художника Ярошенко "Всюду жизнь" вживило в их мозг не картину пограничного решетчатого существования, а схему очеловечивания всего, к чему прикасается не то что рука, но даже подушечка пальца: жизнь действительно всюду. Слова, извергаемые драматургом, цветистым потоком несут двух девочек-женщин куда-то туда, где счастье маячит то в виде самолета-самца, то в образе экскаватора - сексуального гиганта.

Это - сон золушки. Не о Детском Мире. Об Американском Автосалоне. Об отчаянном соитии с Линкольном Марком VIII - не мужчиной, а роскошным

автомобилем цвета пьяной вишни.

Елена Коренева - Вероника с остатками романтизма на прекрасном лице и Евдокия Германова - простая Маша с неотпускающе-трогательной гримасой мечутся в выгороженном пространстве меж двух черных полотен. Не совсем зная, куда девать руки и что временами делать с собственным голосом. Они пронзительно беспомощны и тогда, когда падают полотна-загородки, и море автомобилей открывается во всем своем раздражающем величии. Море волнуется раз. Два. Три. И режиссер волнуется. И драматург. Понимая: со всем этим нужно что-то сделать. Но ничего не делается. Никаких особых знаков режиссер так и не расставляет. Лишь пронзительность, почти истерический марафон от машины к машине. От одной потери к другой. От обманов одной жизни к обманам жизни другой. Той, которая после смерти, после закрытия.

Евгений Каменькович, скорее всего, и не делал комедию. Наверное, ему важно было просто создать этакий городок в табакерке. Заполнить неожиданно предоставившееся для игры пространство всем, чем только можно: странно-прихотливым текстом, двумя замечательными актрисами, своим желанием сказать что-то пока не слишком внятное (невнятное попросту оттого, что фраза еще не вполне оформилась). Зато есть напор, боль, призраки под потолком. Слезу Германовой-Маши, изломанность Кореневой-Вероники.

Как ни странно, этого совсем не мало.

Смешно? Конечно, смешно. До удушья.